ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

„Пров 49

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

(Θ. К. Качуръ.)

2-й экз.

1902 г.

„Пров 38“

„Пров 49“

1 шк

пс-р

К

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

2941
24

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

29 іюля въ 10 час. вечера, въ г. Харьковѣ въ увеселительномъ саду, какой то человѣкъ, одѣтый въ широкой крылаткѣ и соломенной шляпѣ, быстро подойдя, выстрѣлилъ въ харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полиціей, и бросилъ ему въ лице какой то пакетъ. Пуля пролетѣла мимо и только обожгла губернатору шею. На стрѣлявшаго набросились полицеймейстеръ, пристава, околоточные, городовые. Но стрѣлявшій, человѣкъ громадной силы, какъ щепки раскидалъ напавшихъ на него и, жадно глядя вслѣдъ удалявшемуся губернатору, выстрѣлилъ еще разъ. Ужасомъ исказилось лицо стрѣлявшаго: пуля опять пролетѣла мимо. Набросившаяся полиція, въ числѣ человѣкъ 10-ти, повалила стрѣлявшаго на землю. Но онъ не потерялъ присутствія духа и не выпускалъ изъ рукъ оружія. Уже придушенный къ землѣ онъ успѣлъ выстрѣлить еще раза два, надѣясь, что пуля настигнетъ губернатора, но послѣдній былъ уже далеко, и четвертая пуля ранила только полицеймейстера. Полиція выместила свою злость на стрѣлявшемъ, страшно избивши его. Измученнаго, окровавленнаго подъ сильнымъ конвоемъ отвели въ тюрьму. Собравшейся толпѣ стрѣлявшій успѣлъ крикнуть: „помните, господа, такъ наша партія поступаетъ съ врагами народа!“

На револьверѣ, изъ котораго неизвѣстный человѣкъ стрѣлялъ въ губернатора, были вырѣзаны слѣдующія надписи: на одной сторонѣ рукоятки „за пролитую крестьянскую кровь“, на другой „смерть царскому палачу и врагу народа“. На стволѣ вырѣзано „Боевая Организація“. Въ пакетѣ, запечатанномъ печатью „Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ“, лежалъ большой листъ бумаги, на которомъ было напечатано слѣдующее:

Боевая Организація Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

ПРИГОВОРЪ

Харьковскому губернатору князю И. М. Оболенскому.

Съ перваго же дня назначенія на постъ губернатора кн. Оболенскій направилъ свою дѣятельность къ подавленію земскаго самоуправленія и самымъ безсмысленнымъ угнетеніямъ крестьянъ и рабочихъ. Еще въ бытность свою херсонскимъ губернаторомъ, кн. Оболенскій прославился преслѣдованіемъ частныхъ лицъ и обществъ, желавшихъ придти на помощь голодающимъ крестьянамъ.

При возникновеніи крестьянскихъ безпорядковъ въ Харьковской губ., кн. Оболенскій, пользуясь неограниченной властью, примѣнялъ къ крестьянамъ, искавшимъ хлѣба, такія звѣрскія мѣры, которыя мыслимы лишь въ дикой странѣ, управляемой неограниченнымъ деспотомъ.

Ужасающія избіенія безоружныхъ крестьянъ плетьми и розгами, отдача трудящагося населенія въ полное распоряженіе казаковъ, поражающій произволъ и вопіющее насиліе, положенныя кн. Оболен-

скимъ въ основу своей административной дѣятельности, выдвинули передъ Боевой Организаціей Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, принимающей на себя охрану интересовъ борющейся трудящейся массы, вопросъ о необходимости прекращенія административной дѣятельности кн. Оболенскаго, какъ безусловно вредной и опасной для трудящагося населенія.

Лишенная, въ силу условій русскаго государственнаго строя, возможности смѣстить и призвать къ общественному суду кн. Оболенскаго за всѣ совершенныя имъ преступленія, глубоко возмущенная наглымъ вызовомъ, брошеннымъ всей мыслящей и трудящейся Россіи Николаемъ II, выразившимъ кн. Оболенскому за его расправу надъ крестьянами высочайшую благодарность, Боевая Организація находитъ себя вынужденной выполнить лежащій на ней гражданскій долгъ и смѣстить кн. Оболенскаго, такъ поддерживаемаго царемъ, единственнымъ оставшимся въ ея распоряженіи средствомъ — **смертью.**

Приведеніе въ исполненіе приговора поручается члену Боевой Организаціи.

Боевая Организація

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

С.-Петербургъ, 22 іюля 1902 г.

Стрѣлявшій, подъ сильнымъ конвоемъ, былъ отправленъ въ ближайшую полицейскую часть. На вопросъ о своей личности онъ далъ такое показаніе: „Рабочій, членъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Больше вамъ знать обо мнѣ нечего". Приведенный на второй допросъ, онъ отвѣчать на отдѣльные вопросы отказался, заявивъ, что готовъ записать свое показаніе. Вотъ что онъ написалъ: „Я — членъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, по постановле-

нію Организаціи долженъ былъ убить харьковскаго губернатора, какъ яркаго представителя деспотическаго режима, за тѣ дикія жестокости, которыя онъ примѣнялъ къ крестьянамъ. Наша Партія звала крестьянъ на борьбу и наша нравственная обязанность защищать ихъ отъ беззаконія и насилія высшихъ властей. Какъ соціалистъ-революціонеръ, я считалъ это и своей нравственной обязанностью; какъ рабочій, я считалъ необходимымъ поддерживать и защищать крестьянъ. Лично князя Оболенскаго не зналъ. Убійство наша партія считаетъ нежелательнымъ способомъ борьбы, но до тѣхъ поръ, пока правительство не даетъ намъ возможности вести соціалистическую пропаганду мирнымъ путемъ, и до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ имѣть возможности защищаться отъ жестокости властей, наша партія не сложитъ оружія. Кн. Оболенскій подписалъ себѣ смертный приговоръ, когда началъ сѣчь крестьянъ, и подписалъ этотъ приговоръ царь, выразивъ ему благодарность. Даю эти показанія, чтобы правительство не извратило причинъ совершеннаго покушенія. Давать какія бы то ни было показанія, равно какъ и называть свое имя, не желаю, такъ какъ не желаю помогать жандармамъ. Права судить за вами не признаю. Приговоръ по моему дѣлу будетъ присланъ вамъ изъ Петербурга. Весь допросъ, слѣдствіе и судъ считаю пустой комедіей, въ которой я принимать участія не желаю. Наша Партія будетъ объяснять народу подробно причины покушенія. Въ нашихъ прокламаціяхъ и газетахъ можете найти все. Я же съ жандармами ни въ какіе разговоры вступать не желаю. — Членъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Мы выполняемъ данное нашимъ товарищемъ обѣщаніе и объясняемъ всему народу, почему приговорили къ смерти харьковскаго губернатора. Но

для того, чтобы насъ народъ понялъ, надо начать издалека. Дѣло это сложное, и, чтобы понять его, нужно крѣпко обдумать.

* * *

Россіей правитъ кучка баръ и богатѣевъ. Въ 1861 г. они, уступая требованіямъ народа, объявили всѣхъ свободными, вольными, а на дѣлѣ до сихъ поръ смотрятъ на рабочій народъ, какъ на рабочій скотъ. Они все еще хотятъ удержать дѣленіе людей на 2 части: на тупую, покорную массу полуголодныхъ рабовъ съ ярмомъ на шеѣ и никогда незаживающими рубцами на спинѣ, и на сытыхъ, холеныхъ господъ съ нагайками въ рукахъ. Но рабочій народъ не хочетъ довольствоваться призрачной волей, онъ хочетъ настоящей, полной воли: не хочетъ обмана — хочетъ правды. Рабочій человѣкъ — городской и сельскій, мастеровой и крестьянинъ — хочетъ быть вольнымъ человѣкомъ, хочетъ всѣмъ смѣло глядѣть въ глаза, высоко держать голову. Для этого ему надо быть независимымъ, обезпеченнымъ въ своей жизни человѣкомъ.

Народъ давно уже началъ бороться за волю. Крестьяне требуютъ земли, фабричные рабочіе и мастеровые хотятъ скрутить хозяевамъ самоуправныя руки, хотятъ сами устанавливать порядки на фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ. Крестьяне, желая добиться земли отъ сосѣда-помѣщика, судились, ходили по всякимъ присутственнымъ мѣстамъ, посылали ходоковъ къ самому царю, наконецъ, потерявъ надежду получить что-нибудь отъ начальства и отъ царя, сами захватывали землю, начинали ее пахать, косить траву, рубить лѣсъ. Но всякій разъ наѣзжали губернаторы и всякое начальство съ полиціей и войскомъ,

крестьянъ сѣкли, сажали въ тюрьму, ссылали въ Сибирь, а землю возвращали помѣщику. Рабочіе фабричные, которыхъ купецъ нанялъ за дешевую плату къ себѣ на фабрику и изъ которыхъ онъ выматывалъ всѣ жилы на своей работѣ, поднимались противъ своихъ хозяевъ, требуя облегченія работы и увеличенія заработной платы. Они всѣ вмѣстѣ бросали работу, выходили на улицу и черезъ своихъ довѣренныхъ передавали хозяину свои требованія. Иногда они, обозленные хозяйскими притѣсненіями, разносили фабрику, били въ ней окна, ломали машины, избивали мастеровъ и управляющихъ. Вели ли себя рабочіе мирно или буйствовали — все равно: являлось начальство, разгоняло толпу нагайками и саблями, многихъ рабочихъ сажало въ тюрьму и высылало, а остальнымъ приказывало выходить на работу.

И такъ было всюду, по всей Россіи. Народъ поднимался то тамъ, то сямъ, но всякій разъ начальство безъ пощады его усмиряло. Ему легко было это сдѣлать, такъ какъ крестьяне и рабочіе дѣйствовали разрозненно, безъ уговору и согласія. Когда поднималась одна деревня, другія деревни, даже сосѣднія, оставались равнодушными, иногда и не знали объ этомъ. Когда рабочіе устраивали стачку на одной фабрикѣ, на другихъ работа шла обычнымъ порядкомъ и рабочіе часто не знали, что дѣлаютъ ихъ братья. И ужъ совсѣмъ не было согласія и дружбы между крестьянами и городскими рабочими. А господа и хозяева радовались этой розни да непониманію и безъ труда держали въ покорности рабочій народъ. Долго крестьяне и рабочіе не понимали и того, что не въ помѣщикахъ и не въ купцѣ сила; что за каждымъ помѣщикомъ или купцомъ стоитъ вся сила царская — полиція и войско.

Не понимали того, что нельзя осилить помѣщика или купца, не осиливъ сначала правительства.

Все это очень хорошо видѣли и понимали тѣ образованные люди, которые любили рабочій народъ и желали ему добра—соціалисты. И они поставили себѣ великую цѣль — помочь народу въ его борьбѣ за волю, за свободу и братство всѣхъ людей.

Стали они объяснять народу, что крестьяне и рабочіе должны бороться дружно, единодушно и не только противъ отдѣльныхъ помѣщиковъ и купцовъ, а противъ царскаго правительства, которымъ только и держится угнетеніе рабочаго народа. Когда рабочій народъ сплотится, одолѣетъ правительство и возьметъ власть въ государствѣ въ свои руки, онъ установитъ порядки, выгодные для всѣхъ. Земля, фабрики, заводы и все то, что нужно людямъ для работы, будетъ принадлежать всему народу и передаваться въ пользованіе артелямъ равноправныхъ работниковъ. И не будетъ тогда ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни хозяевъ, ни рабочихъ, ни господъ, ни слугъ, ни помѣщиковъ, ни арендаторовъ. Все, что сработаютъ люди, за вычетомъ той части, которая нужна на общіе расходы, будетъ распредѣляться между людьми смотря по тому, кому сколько нужно, и глядя по работѣ каждаго. Всѣми дѣлами въ государствѣ, въ городѣ, въ селѣ, на фабрикѣ и въ полѣ будутъ распоряжаться выборные на срокъ отъ народа и отвѣтственные передъ нимъ особые довѣренные люди. Такіе порядки называются соціалистическими, и на борьбу за такіе-то порядки звали рабочій народъ соціалисты. И сами первые начали борьбу. Но народъ долгое время плохо откликался на призывъ соціалистовъ. Понятно, безъ народной поддержки соціалисты погибали въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ и на висилицѣ. Декабристы въ 1825 году, Каракозовъ въ 1866 году, Соловьевъ, борцы за „Землю и Волю“, за Народную Волю

въ 70-хъ и 80-хъ годахъ жизнью своей заплатили за преданность народу.

Мало по малу однако на призывъ соціалистовъ стали откликаться городскіе рабочіе. Они начали составлять кружки, собираться и толковать о томъ, что дѣлать. Начальство запрещало собираться, и потому приходилось устраивать сходки тайкомъ, иногда по ночамъ, въ лѣсу. Когда на такихъ собраніяхъ рабочіе узнали, что ихъ много и почуяли свою силу, они рѣшили выступить открыто. Въ назначенный день и часъ они стали собираться на улицахъ и площадяхъ городовъ, во всеуслышаніе заявлять свои требованія. Это они дѣлали для того, чтобы всѣ—и молодые и старые, грамотные и неграмотные — всѣ узнали, чего они требуютъ для всего рабочаго народа. Они хотѣли, чтобы всѣ говорили объ ихъ требованіяхъ, чтобы всѣ видѣли, насколько эти требованія справедливы, полезны и необходимы для рабочаго народа. Вели себя рабочіе-соціалисты вполнѣ спокойно, никакихъ насилій и буйствъ не производили. И однако правительство напало на соціалистовъ со страшной жестокостью.

Оно и прежде не дремало, когда соціалисты тайно распространяли свое ученіе. Оно подкупало тысячи сыщиковъ, которые подглядывали и подслушивали, о чемъ говорятъ между собою люди. Оно обыскивало ихъ дома и квартиры, хватало людей, сажало въ тюрьму и ссылало въ Сибирь всѣхъ, кто казался подозрительнымъ, или на кого указывалъ сыщикъ. Но не смотря на это, рабочихъ-соціалистовъ все прибавлялось да прибавлялось, и рабочее движеніе разливалось все шире. Видя свое безсиліе, правительство пришло въ ярость. Забывъ всякій стыдъ и совѣсть, оно очертя голову бросилось тиранить народъ. Въ Ярославлѣ въ 1897 г. начальство послало противъ мирныхъ рабочихъ, требовавшихъ

отъ своего хозяина лучшей заработной платы, солдатъ Фанагорійскаго полка и заставило ихъ стрѣлять въ разбѣгавшихся рабочихъ, причемъ нѣсколько человѣкъ было убито. За этотъ подвигъ царь выразилъ благодарность „молодцамъ фанагорійцамъ". Въ 1898 г. солдаты, по приказу начальства, перестрѣляли нѣсколько десятковъ рабочихъ въ Ригѣ за то, что тѣ заступились за своихъ женъ, сестеръ и защитили ихъ отъ насилій и издѣвательства полиціи. Въ 1899 г. въ Петербургѣ правительство избило, а затѣмъ отдало подъ судъ рабочихъ съ фабрики Максвеля за то, что тѣ не выдали своего товарища, котораго полиція хотѣла арестовать по какому-то подозрѣнію. 4-го марта 1901 г. на Казанской площади въ Петербургѣ на мирную толпу демонстрантовъ, т. е. людей, вышедшихъ толпой на улицу во всеуслышаніе заявить свои желанія, оно выпустило пьяныхъ казаковъ и полицейскихъ, которые начали жестоко избивать нагайками и кулаками и топтать лошадьми всѣхъ, кто попадался: студентовъ и рабочихъ, женщинъ и дѣтей, не разбирая ни пола, ни возраста. Они загнали толпу на паперть храма и тамъ продолжали творить гнусныя насилія надъ мирными людьми. Они били ихъ, сбрасывали съ паперти съ саженной высоты, а тамъ ихъ подхватывала толпа озвѣрѣвшихъ казаковъ и полицейскихъ и продолжала избіеніе до потери сознанія. Всей этой бойней распоряжался лично петерб. градоначал. Клейгельсъ. Такія же избіенія демонстрантовъ были и въ Харьковѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ и во многихъ другихъ городахъ. Мин. вн. дѣлъ Сипягинъ руководилъ всѣми этими избіеніями. Онъ отдавалъ приказы, дѣлалъ наставленія, а чиновниковъ, особенно жестоко расправлявшихся съ демонстрантами, хвалилъ и награждалъ. Онъ даже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ толпу стрѣляли изъ ружей, если она не расходится.

И этотъ приказъ былъ скоро выполненъ. Въ Питерѣ у Обуховскаго завода нѣсколько чел. рабочихъ было убито и много ранено, потому что рабочіе сопротивлялись напавшимъ на нихъ полицейскимъ и солдатамъ.

Затѣмъ въ февралѣ 1902 года въ Батумѣ войско стрѣляло въ безоружныхъ рабочихъ: 14 человѣкъ убито на повалъ и десятки ранены. Кого изъ рабочихъ успѣли захватить, предали суду за „бунтъ“ и теперь ихъ ждетъ каторга.

Но демонстраціи не прекращались. Люди продолжали выходить на улицу и требовать свободы. Тогда правительство отдало еще болѣе жестокіе приказы. Оно велѣло не только бить на улицахъ, но и избивать арестованныхъ въ участкахъ. И вотъ, сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Одессѣ, Екатеринославѣ и во многихъ другихъ городахъ полиція начала истязать людей взаперти, въ четырехъ стѣнахъ, въ своихъ чижовкахъ и холодныхъ, откуда крики жертвъ не долетали бы до ушей обывателя. Особенно безчеловѣчно издѣвались и глумились надъ женщинами и дѣвушками. Ихъ раздѣвали, ругали самыми скверными словами, грозили отправить въ непотребные дома. Но скоро и это показалось мало: демонстрантовъ начали сѣчь. Впервые въ Вильнѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ засвистѣла розга надъ спинами взятыхъ въ плѣнъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ и брошенныхъ на землю враговъ правительства — демонстрантовъ. Непріятель въ завоеванной странѣ не творитъ такихъ насилій надъ побѣжденнымъ народомъ, не подвергаетъ его такимъ униженіямъ и оскорбленіямъ, какимъ русское правительство подвергаетъ русскихъ же людей.

И какихъ людей? Лучшихъ людей изъ образованнаго общества, горячо любящихъ народъ, борящихся за его счастье и волю; наиболѣе умныхъ, разви-

тыхъ и рѣшительныхъ рабочихъ и крестьянъ, которые не хотятъ мириться съ положеніемъ безправнаго раба. Въ чемъ виновны эти лица? Въ томъ, что они полюбили свободу и справедливость больше жизни!...

Правительство поняло, какъ опасны для него эти люди. Оно поняло, что весь народъ долженъ скоро перейти на ихъ сторону, что, благодаря этимъ людямъ разумъ народа прояснится и поднявшійся народъ свергнетъ съ себя иго правительства, богатыхъ и знатныхъ. Оно поняло это и рѣшило не пускать соціалистовъ къ народу. Правительство распускаетъ о соціалистахъ разныя небылицы и жестоко расправляется съ ними, когда они хотятъ передать народу свое ученіе. Тюрьма, ссылка, каторга, жестокія избіенія, надругательства и наконецъ висѣлица — вотъ чѣмъ правительство хочетъ помѣшать братскому союзу соціалистовъ и всего трудящагося народа. А въ то же время оно разоряетъ и мучитъ голодомъ крестьянъ, избиваетъ и разстрѣливаетъ рабочихъ, держитъ въ темнотѣ весь народъ.

Можно ли было терпѣть такой порядокъ? Можно ли было оставлять безнаказанною ту правительственную шайку, по приказу которой творятся всѣ эти звѣрства и насилія надъ народомъ? Нѣтъ! Всѣ честные и смѣлые люди чувствовали, что оставить такъ нельзя, что надо дать отпоръ правительству. Сначала отдѣльныя лица изъ соціалистовъ выступили на защиту человѣка и стали карать наиболѣе безчеловѣчныхъ враговъ народа. Карповичъ убилъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова; Лаговскій стрѣлялъ въ Побѣдоносцева; Аллартъ въ московскаго полицеймейстера Трепова; рабочій Лекертъ ранилъ виленскаго губернатора фонъ-Валя за то, что онъ поролъ демонстрантовъ въ Вильнѣ.

Но нельзя было такое важное, необходимое дѣло

предоставить отдѣльнымъ лицамъ. При такихъ то обстоятельствахъ Партія Соціалистовъ Революціонеровъ рѣшила составить Боевую Организацію (Дружину). Эта дружина должна наказывать смертью тѣхъ чиновниковъ, какихъ укажетъ ей голосъ народа и голосъ партіи, тѣхъ, кто наиболѣе выдвинулся жестокими усмиреніями народа, борющагося за свои права. Пусть знаютъ слуги царя, что за чрезмѣрное усердіе въ угнетеніи народа ихъ ждетъ не только царская награда, но и возмездіе отъ Боевой Организаціи. Если въ нихъ молчитъ совѣсть и человѣколюбіе, пусть заговоритъ страхъ. Боевая Организація облегчитъ народу борьбу за свободу, устраняя наиболѣе жестокихъ угнетателей, нагоняя на нихъ страхъ. Борьбу же за свою свободу долженъ вести самъ народъ, сплачиваясь, сговариваясь, заявляя свою волю, свои требованія, самъ оказывая сопротивленія всякому насилію, которое творятъ власти. Когда составилась Боевая Организація, на кого должна была она направить свой первый ударъ? Понятно, на того, кто являлся главнымъ руководителемъ всѣхъ тѣхъ дикихъ расправъ, о которыхъ мы говорили; на того, по чьимъ приказамъ избивались демонстранты на улицахъ городовъ, разстрѣливались рабочіе въ Петербургѣ и Батумѣ; доводились до голода и полнаго раззоренія крестьяне — на министра вн. дѣлъ Сипягина. И онъ палъ 2 апрѣля 1902 г. отъ руки члена Боевой Организаціи, Степана Валерьяновича Балмашева, въ Маріинскомъ дворцѣ, у входа въ залу, гдѣ засѣдали всѣ министры (Комитетъ министровъ) и гдѣ Сипягинъ проводилъ свои злодѣйскія мѣры.

Въ то самое время, когда въ столицѣ, въ Петербургѣ, Боевая Организація подготовляла свой ударъ, въ Полтавской и Харьковской губ. происходили важныя событія. Въ 1901 г. тамъ былъ полный неуро-

жай, и крестьяне сильно бѣдствовали. Всѣ просьбы о помощи харьковскихъ крестьянъ не привели ни къ чему. По настоянію Харьков. губерн., кн. Оболенскаго крестьяне не получили пособія ни на продовольствіе, ни на сѣмена. Отъ сильной нужды крестьяне готовы были наниматься на работу за какую угодно плату, и помѣщики нанимали ихъ по 15 коп. въ день. Въ то же время возъ гнилой соломы они продавали крестьянамъ по 10 р. 50 к.! Чтобы заработать возъ соломы для своей коровенки, мужику пришлось бы проработать 70 дней! Крестьянамъ стало не втерпежъ, и они заволновались. Въ тоже время къ нимъ проникли книжки, изданныя соціалистами. Въ нихъ говорилось о правахъ крестьянъ, о несправедливости современныхъ порядковъ, о томъ, что земля должна принадлежать всему народу, а не богатымъ помѣщикамъ. И вотъ, крестьяне, увѣровавъ въ новую правду, о которой говорилось въ книжкахъ, запрягли своихъ воловъ и на сотняхъ подводъ поѣхали въ помѣщичьи экономіи дѣлить помѣщичій хлѣбъ. Вѣдь они его сѣяли, собирали и ссыпали въ амбары, а не помѣщики: значитъ, онъ и долженъ принадлежать имъ. Крестьяне не дѣлали никакихъ насилій, не трогали никого и пальцемъ. Они только подѣлили хлѣбъ, а иногда и скотъ и заявили помѣщикамъ, что весной придутъ дѣлить и землю; причемъ помѣщикамъ отрѣжутъ столько, сколько тѣ могутъ сами вспахать и засѣять. Крестьяне хотѣли дѣлать по божески, по справедливости.

Но вотъ узнало объ этомъ начальство. Откуда ни возьмись, налетѣли губернаторъ, исправники съ казаками и солдатами, и началась расправа. Крестьянъ били нагайками, сѣкли розгами и даже стрѣляли изъ ружей. Особенной жестокостью отличался кн. Оболенскій. Какъ хищный коршунъ, налетѣлъ онъ съ казаками и солдатами на безоружныхъ, мирныхъ

крестьянъ и истязалъ ихъ безъ милосердія. Онъ сѣкъ, сѣкъ молодыхъ и старыхъ, не щадя сѣдинъ и старческихъ немощей. Нѣкоторыхъ засѣкъ на смерть, иные сами наложили на себя руки: не въ силахъ были смотрѣть на всѣ ужасы, какіе творилъ Оболенскій. Гдѣ онъ побывалъ, оттуда тянулись въ земскія больницы подводы не съ людьми, а съ избитымъ, изсѣченнымъ человѣческимъ мясомъ. Точно чума или дикій озвѣрѣлый врагъ пронесся по странѣ, повергая людей въ ужасъ и отчаяніе.

И за всѣ эти злодѣянія царь наградилъ Оболенскаго орденомъ. Могла ли Боевая Организація оставить этого злодѣя безнаказаннымъ? Нѣтъ. И она приговорила его къ смерти, приговорила въ полномъ согласіи со всей Партіей Соц. Рев., со всѣмъ народомъ, со всѣми честными людьми, до которыхъ только дошла вѣсть о жестокостяхъ Оболенскаго.

Этотъ приговоръ взялся исполнить членъ Боевой Организаціи, рабочій, столяръ Ѳома Корнѣевичъ Качуръ или Качуренко. Онъ никогда въ глаза не видалъ Оболенскаго, не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла; среди харьковскихъ крестьянъ, которыхъ мучилъ Оболенскій, у него нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Значитъ, у него не могло быть никакой личной злобы противъ Оболенскаго.

Онъ былъ молодъ, обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ, пользовался любовью товарищей. Онъ могъ бы жить, какъ сотни другихъ, но обрекъ себя на смерть. Почему? Гдѣ та сила, которая заставила его рѣшиться отдать свою жизнь за другихъ? Эта сила —любовь къ людямъ и вѣра въ людей.

Онъ любилъ всѣхъ трудящихся, всѣхъ, живущихъ трудомъ своимъ. И онъ видѣлъ вокругъ себя этихъ трудящихся въ горѣ и нуждѣ, а праздныхъ тунеяд-

Библиотека Социалистическ...

цевъ въ сытости и довольствѣ. Онъ видѣлъ матерей, стонущихъ надъ умирающими съ голоду дѣтьми, онъ видѣлъ отцовъ, надрывающихся отъ непосильной работы, онъ видѣлъ раззоренныя деревни, хаты безъ крышъ, стойла безъ скота, видѣлъ крестьянъ, бѣгущихъ изъ раззоренной деревни въ городъ. Онъ видѣлъ, какъ городъ истощаетъ своихъ рабочихъ, какими изможденными они тянутся съ холодной конуры на фабрику, съ фабрики въ холодную конуру. Онъ видѣлъ, какъ выбиваютъ подати съ мужика, какъ издѣваются становой и земскій, какъ безчеловѣчно позорятъ поркой стариковъ и молодыхъ, какъ безрадостно и безправно крестьянское житье. Онъ видѣлъ, какъ рабочихъ бьютъ городовые, какъ ихъ полосуютъ нагайками казаки и какъ ихъ разстрѣливаютъ пулями царскіе солдаты. Онъ видѣлъ необозримыя тучныя поля, принадлежащія помѣщикамъ, милліонныя фабрики, принадлежащія фабрикантамъ. Видѣлъ увѣшанныхъ лентами и орденами губернаторовъ и министровъ, обманывающихъ, обирающихъ и убивающихъ народъ, видѣлъ въ золотой коронѣ царя, прикрывающаго и защищающаго все зло, всю неправду, все угнетеніе. Онъ видѣлъ трудящихся обездоленными и угнетаемыми рабами. Онъ видѣлъ тунеядцевъ царствующими господами. Онъ видѣлъ жизнь самой несчастной измученной страны — жизнь Россіи. И сердце его сжималось отъ боли и обливалось кровью. И цѣлые годы онъ старался просвѣтить своихъ братьевъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними боролся противъ заклятаго врага—царскаго правительства. Ему были близки и бѣдствія крестьянскаго народа и глубоко болѣла его любящая душа. Болѣла потому, что крестьянство страдаетъ, болѣла потому, что крестьянство безропотно молчитъ и не поднимается противъ своихъ угнетателей.

Но самъ изъ народа, онъ вѣрилъ въ его силы и

велика была его радость, когда онъ увидѣлъ первое пробужденіе крестьянъ — возстаніе полтавцевъ и харьковцевъ.

Но харьковцы были подавлены лютымъ избіеніемъ по приказанію губернатора кн. Оболенскаго. Ужасъ и отчаяніе охватило харьковцевъ, склонившихся передъ царской силой. И горѣвшее великой любовью къ борющимся крестьянамъ сердце Ѳомы Качуренко наполнилось смертельной ненавистью къ ихъ угнетателямъ.

Онъ думалъ: тамъ, въ деревняхъ харьковской губерніи, теперь царитъ отчаяніе. Крестьяне потеряли вѣру, что можетъ быть правда на землѣ, крестьяне потеряли вѣру въ свои силы и покорно подчинились насилью. Крестьяне неопытны въ борьбѣ, они думаютъ, что они одни, что никто объ ихъ борьбѣ не знаетъ, никто ихъ не поддерживаетъ. Когда они узнаютъ, что я, городской рабочій, по рѣшенію Боевой Организаціи убилъ ихъ угнетателя князя Оболенскаго, они воспрянутъ духомъ, поднимутъ голову, облегченно вздохнутъ и скажутъ: „есть и на землѣ правый судъ, который караетъ злодѣевъ. Мы не одни. У насъ есть друзья, готовые жизнь свою отдать за насъ. И эти друзья — городскіе рабочіе“. И крестьяне, вновь готовые къ борьбѣ, подадутъ руки городскимъ рабочимъ.

Такъ думалъ столяръ Ѳома Качуренко. Онъ вѣрилъ, что онъ своимъ подвигомъ вдохнетъ бодрость въ павшихъ духомъ крестьянъ и страхъ въ ихъ угнетателей. Онъ вѣрилъ, что онъ своимъ подвигомъ соединитъ крестьянъ и рабочихъ въ одинъ союзъ, въ одну партію, чтобы бороться вмѣстѣ противъ царскаго правительства.

И онъ слишкомъ любилъ своихъ братьевъ, крестьянъ и рабочихъ, чтобы задуматься отдать за нихъ свою жизнь. И онъ отдалъ ее. Онъ смѣло и радостно

пошелъ на вѣрную смерть, считая для себя счастьемъ принести свою жизнь въ жертву великому и святому дѣлу — дѣлу борьбы за народное освобожденіе.

И отнынѣ чистой кровью Ѳомы Качуренко навѣки связана крестьянская и рабочая борьба. Товарищи рабочіе и крестьяне! Въ разныя времена въ минуты опасности изъ среды народа выходили великіе, святые люди, свою жизнь отдававшіе на защиту угнетаемыхъ. И народъ чтитъ эти имена и память о нихъ передаетъ изъ рода въ родъ. Священнымъ должно быть для всего трудящагося народа и имя Ѳомы Качуренко. Священнымъ, ибо за трудящійся народъ онъ отдалъ свою жизнь. Народъ долженъ гордиться, что изъ его рядовъ вышелъ герой, поборникъ правды, мученикъ за народное счастье и свободу.

Ѳома Качуренко пошелъ на вѣрную смерть за насъ, за весь трудящійся народъ. Что же должны дѣлать мы, чтобы быть достойными этой жертвы? Можемъ ли мы стоять въ сторонѣ и спокойно смотрѣть, какъ правительство будетъ распускать слухи, что этотъ дорогой народному сердцу герой—злодѣй, тяжкій убійца, достойный смертной казни.

Нѣтъ! И повсюду, гдѣ только есть возможность, какъ рабочіе, такъ и крестьяне, должны собираться вмѣстѣ, въ толпы, и громко заявлять, что трудящійся народъ считаетъ Ѳому Качуренко не злодѣемъ, а своимъ заступникомъ. Нужно стараться распространить въ народѣ правду о Качуренко и правду о правительствѣ.

Но этого мало.

Теперь его будутъ судить. Кто будетъ его судьями? Нѣсколько генераловъ, которымъ заранѣе приказано приговорить его къ смерти. Можемъ ли мы признать этотъ судъ правымъ и справедливымъ? Нѣтъ! Мы, соціалисты, готовы держать отвѣтъ за всѣ наши дѣйствія, но мы не можемъ держать от-

вѣтъ передъ правительствомъ. Правительство не судья нашъ, а обвиняемый. Мы обвиняемъ правительство въ томъ, что оно въ заговорѣ съ богатыми и знатными обираетъ, угнетаетъ рабочій народъ и держитъ его въ рабствѣ. То же и съ Ѳомой Качуренко. Онъ — членъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, которая хочетъ уничтожить господство богатыхъ и знатныхъ надъ рабочимъ народомъ и для этого прежде всего свергнуть теперешнее царское правительство. Онъ врагъ не кн. Оболенскаго, а всего правительства. Только народъ можетъ разобрать нашу тяжбу съ правительствомъ.

И пусть самъ народъ разсудитъ, считаетъ ли онъ соціалиста Качуренко злодѣемъ, достойнымъ казни, или своимъ заступникомъ, имя котораго онъ будетъ чтить, какъ святыню. И это нужно громко, открыто заявить. По предварительному сговору нужно въ назначенное время собираться толпами на улицу съ красными знаменами, на которыхъ должны быть надписи: „Долой царское правительство!“ „Слава народному герою!“ „Мы требуемъ созыва народныхъ представителей“.

И когда такія сборища на улицахъ будутъ происходить во многихъ мѣстахъ, въ городахъ и деревняхъ, правительство пойметъ, что народъ вышелъ изъ темноты, что онъ уже знаетъ, кто ему врагъ и кто ему другъ, пойметъ, что больше противиться волѣ народа опасно, и вынуждено будетъ уступать.

Товарищи, рабочіе и крестьяне! Ѳома Качуренко своимъ подвигомъ далъ намъ великій примѣръ, какъ должно бороться за счастье и свободу народа. Этой борьбѣ мы должны отдавать все: всѣ силы, всѣ свои способности, а когда нужно—и самую жизнь свою.

Ниже мы печатаемъ письма, писанныя Качуренко наканунѣ того дня, когда онъ пошелъ выполнить приговоръ Боевой Организаціи. Когда вы будете читать

эти письма, они уже будутъ, можетъ быть, голосомъ изъ могилы. Самоотверженный товарищъ оставилъ намъ завѣтъ, который мы должны выполнить: „**одинъ за всѣхъ и всѣ за одного, тогда мы побѣдимъ**“. Крестьяне за рабочихъ, рабочіе за крестьянъ, всѣ противъ общаго врага — противъ самодержавнаго царя!

ДВА ПИСЬМА РАБОЧАГО-РЕВОЛЮЦІОНЕРА

I. Письмо къ рабочимъ.

Товарищи! Завтра я иду выполнить приговоръ Боевой Организаціи нашей Партіи надъ однимъ изъ деспотовъ — харьковскимъ губернаторомъ. Мнѣ потомъ уже нельзя будетъ говорить съ вами, а я хочу, чтобы вы знали, почему я рѣшилъ идти и почему я нахожу, что это дѣло, которое стоитъ, чтобы за него жертвовать жизнью. Много говорить мнѣ некогда, скажу только самое главное, чтобы вы меня поняли.

Я тринадцать лѣтъ рабочимъ и около шести лѣтъ принимаю участіе въ рабочемъ движеніи. Еще года четыре тому назадъ я такъ считалъ, что рабочій народъ скоро свернетъ самодержавіе и добьется другого порядка. Каждую стачку мы считали чуть ли не революціей и кромѣ стачекъ ничего не знали. Но потомъ, когда я сталъ больше присматриваться и больше читать, я началъ убѣждаться, что мы узко смотримъ на вещи. Дѣйствительно, стачки скоро начали прекращаться, наши рабочіе не только о стачкахъ не могутъ думать, но всячески стараются удержаться на мѣстѣ, и намъ самимъ стало смѣшно, что мы думали стачками перевернуть порядокъ Россіи.

Тутъ начались демонстраціи. Демонстраціи мнѣ и моимъ товарищамъ были по душѣ. Тутъ уже борьба! Тутъ прямо

встрѣча со врагомъ. Но скоро я въ демонстраціяхъ разочаровался и еще больше, чѣмъ въ стачкахъ. Я думалъ, что мы на демонстраціяхъ воевать идемъ, а оказывается, что только подставляемъ спину подъ нагайки и головы подъ кулаки и ружейные приклады. Когда я вернулся съ одной демонстраціи, я плакалъ отъ досады и обиды. На насъ налетѣли казаки, мы продержались минуту-другую, и потомъ разбѣжались во всѣ стороны, а казаки насъ догоняли и били нагайками. А приставъ хохоталъ — „ишь лататы задали!“ А потомъ еще въ Екатеринославѣ демонстрантовъ въ участкахъ били и всячески издѣвались надъ ними. А мы все молчали, и правительство почувствовало, какъ оно сильно, и что напрасно съ нами церемонились.

Стыдно мнѣ стало за себя, стыдно мнѣ стало за товарищей. Мы хотимъ порядокъ всего государства измѣнить, а даемъ себя бить, какъ самые пропащіе люди. Я такъ полагаю, что, если мы идемъ на борьбу, то должны бороться, какъ полагается честнымъ рабочимъ. И раньше всего мы должны такъ держать себя, чтобы насъ уважали друзья и враги. А враги не только чтобы уважали бы, но и боялись. И когда я года полтора тому назадъ встрѣтился съ рабочими, которые говорили, что они соціалисты-революціонеры, я скоро перешелъ къ нимъ, такъ какъ и они смотрѣли такъ же, какъ и я. И такъ прошелъ почти годъ, пока наконецъ я узналъ, что уже въ Партіи образовалась Боевая Организація. Тогда я только и думалъ, какъ бы туда попасть, но меня долго не принимали, и только послѣ того, какъ Балмашевъ застрѣлилъ министра, меня, наконецъ, приняли; мнѣ предложили, согласенъ ли я идти на харьковскаго губернатора, который нещадно засѣкалъ крестьянъ и продѣлывалъ ужасныя звѣрства и за это былъ награжденъ нашимъ царемъ наградой. Я съ радостью согласился, такъ какъ нахожу, что наша Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ имѣетъ правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ.

Я самъ, какъ и большинство рабочихъ, — изъ крестьянъ, и мнѣ всегда больно было, какъ многіе рабочіе повторяли

слова интеллигентовъ, что отъ крестьянъ нечего ожидать, что крестьяне всегда темными останутся и проч. Это неправда, и говорятъ они потому, что крестьянской души и жизни не знаютъ. Крестьянину, какъ и нашему брату — рабочему надо только разъяснить, а тамъ уже онъ пойдетъ, такъ что почище нашего будетъ. А притомъ, пока крестьянство спитъ, намъ рабочимъ ничего не добиться. Насъ-то горсть, а они — вся Россія. Да и по человѣчеству нельзя оставить безъ вниманія почти что сто милліоновъ, которые по волѣ правительства лишены не только всякихъ правъ, но и хлѣба, и потому я увѣренъ, что наша партія правильно поступаетъ, что ведетъ и крестьянское движеніе. Но крестьянину приходится отъ правительства еще хуже, чѣмъ намъ: когда они поднялись въ Харьковской губерніи, ихъ такъ безчеловѣчно избивали, а потомъ еще заставили 800 тысячъ руб. помѣщикамъ уплатить. Наша Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ поднимала крестьянъ и она же должна защитить ихъ отъ всѣхъ опричниковъ и палачей. Крестьяне тогда увидятъ, что они не одни, что есть кому за нихъ заступаться, а для насъ должно быть все одно, заступиться ли за рабочихъ, за крестьянъ и за интеллигенцію. Когда крестьяне узнаютъ, что за нихъ заступился рабочій, они убѣдятся, что они и рабочіе — братья, и что нужно другъ за друга заступаться, другъ за друга стоять, и правительство тогда убѣдится, что противъ него весь народъ. Вотъ, товарищи, почему я рѣшилъ, что я, рабочій, долженъ идти за крестьянъ, точно такъ, какъ интеллигентъ Балмашевъ шелъ за весь рабочій народъ.

Я, конечно, не думаю, что послѣ того, какъ я убью харьковскаго губернатора, крестьянъ не будутъ избивать. Но вѣдь мы совершенно такъ же не думаемъ, что послѣ одной демонстраціи мы уничтожимъ самодержавіе. Если мы не будемъ давать отпоръ правительству, оно такъ придушитъ насъ, что отъ всего рабочаго движенія ничего не останется. Уже и теперь пали духомъ послѣ того, какъ начали сѣчь за демонстраціи. Если дальше такъ будетъ

продолжаться, то у рабочаго только и останется, что запрещенныя книжки читать, а дѣла никакого не будетъ, а потому я считаю, что нужно отпоръ давать сейчасъ же. И если правительство будетъ знать, что каждый разъ, какъ оно будетъ примѣнять такія мѣры, оно первое будетъ держать отвѣтъ, то, повѣрьте, скоро оно сократитъ руки. И народъ, и правительство должны знать, что революціонеры не позволятъ проливать народную кровь, должны знать, что прошло то время, когда правительство безнаказанно насильничало и глумилось надъ народомъ. Рабочимъ же это придастъ храбрости, вѣры въ свою силу. Кровь будетъ у рабочаго горѣть, такъ какъ онъ будетъ знать, что онъ можетъ бороться, и что есть, кому за него заступиться. Тоже съ крестьянами, тоже съ интеллигентами. А теперь у всѣхъ опускаются руки, и начинаютъ думать, что мы безсильны противъ деспотическаго правительства. И вотъ почему я рѣшилъ поступить въ Боевую Организацію: я увѣренъ, что безъ нея рабочее движеніе теперь не возможно; я вѣрю, что ей удастся заставить правительство не бороться съ нами кнутомъ и кулакомъ; я вѣрю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло свободно развиваться. Для такого дѣла никакія жертвы не велики и, если нужна моя жизнь — я считаю для себя счастьемъ отдать ее такому великому и святому дѣлу.

Прошу, простите за ошибки, нѣтъ времени.

28 іюля 1902 г. Вашъ братъ

Ѳома Карнѣевъ Качуръ

II. Письмо къ крестьянамъ.

Братья крестьяне!

Считаю большимъ для себя счастьемъ, что по постановленію Боевой Организаціи нашей Партіи на мою долю выпало отомстить царскому извергу и палачу за пролитую крестьянскую кровь. Харьковскіе и полтавскіе крестьяне знаютъ, что этотъ лютый врагъ народа заслужилъ смерти.

Крестьяне другихъ губерній, которые не знаютъ, чѣмъ былъ для крестьянъ харьковскій губернаторъ, прочтутъ объ этомъ въ книжкахъ и воззваніяхъ нашей Партіи.

Я вамъ скажу вотъ что: мы, рабочіе, страдаемъ отъ фабрикантовъ, вы, крестьяне, — отъ помѣщиковъ. Но мы уже убѣдились, что за фабрикантовъ стоитъ царь съ министрами, губернаторами и войскомъ. Чего фабриканты хотятъ, то войска, губернаторы и министры дѣлаютъ. Мы убѣдились, что не выйти намъ изъ-подъ неволи и кабалы фабрикантовъ, пока вся власть будетъ находиться въ рукахъ одного человѣка и его чиновниковъ. И мы поэтому боремся и требуемъ, чтобы былъ установленъ такой порядокъ, чтобы всей страной правили выборные отъ народа. Тоже должны помнить и вы, братья-крестьяне. Когда харьковцы поднялись противъ помѣщиковъ, царскій опричникъ Оболенскій двинулся на нихъ съ войскомъ и казаками, и такъ избивалъ, такъ мучилъ и терзалъ несчастныхъ крестьянъ, что и подумать страшно. За эти муки, которыя причинилъ народу, Оболенскій получилъ отъ царя благодарность и награду. Стало быть и вы видите, что противъ васъ не только помѣщики, но и царь съ его чиновниками. Но за то за васъ мы, рабочее сословіе, да люди разныхъ званій, которые соединились вмѣстѣ въ Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ и ведутъ борьбу за правду и счастье народа.

Царь забылъ, что не только онъ жалуетъ по заслугамъ своихъ министровъ и губернаторовъ. Боевая Организація нашей Партіи воздаетъ должное царскимъ слугамъ. Наша Партія звала крестьянъ (на) борьбу и ея боевая дружина защититъ ихъ. Вотъ почему она рѣшила казнить харьковскаго губернатора. И я, рабочій, иду за крестьянъ, такъ какъ мы должны другъ друга отстаивать въ борьбѣ съ нашими врагами Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, — тогда мы побѣдимъ. Правительство это понимаетъ и хочетъ запугать насъ. Оно рѣшило наказывать насъ смертью. Оно уже повѣсило Балмашева, убившаго министра Сипягина, и

Лекерта, стрѣлявшаго въ губернатора фонъ-Валя. Но этимъ насъ не испугаютъ. Мы боремся за счастье народа, знаемъ, что пощады отъ царя намъ ждать нечего, и смерть намъ не страшна. Но пусть будетъ она страшна всѣмъ врагамъ народа; всѣмъ, кто давитъ и угнетаетъ его. Смерть падетъ на ихъ головы, и они теперь своею кровью будутъ платить за проливаемую народную кровь.

Братья крестьяне! Продолжайте же и вы борьбу за волю и лучшую долю. Вы уже образовали Крестьянскій Союзъ, какъ и мы, рабочіе. Будемъ же бороться вмѣстѣ, будемъ держать другъ за друга, и тогда — смерть нашимъ угнетателямъ и да здравствуетъ крестьянское и рабочее революціонное движеніе.

Простите за ошибки: лучше — не было времени.

Ѳома Карнѣевъ Качуръ.

ЖИЗНЬ РАБОЧАГО-РЕВОЛЮЦІОНЕРА

Ѳ. К. Качура, описанная имъ самимъ.

Родился я въ іюлѣ 1877 года въ селеніи Лозановкѣ, Кіевской губерніи, въ семьѣ бѣдныхъ родителей —Корнѣя Емельянова Качура и жены его Ирины Александровны. Отецъ мой — солдатъ, служилъ 8 лѣтъ; мать — зажиточныхъ родителей, но честныхъ крестьянъ. Отецъ былъ испорченъ и развращенъ; русскимъ царизмомъ было выбито изъ него все человѣческое достоинство за 8-лѣтнюю службу русскому правительству. Мать была женщина ему противоположная, — отличалась высшей нравственностью, чему и слѣдовала вся наша семья, которая состояла изъ двухъ, меньшихъ меня: 1-го брата и сестры. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ я помню семейный раз-

ладъ и неурядицу и, смотря на это все, и ломая себѣ голову — я думалъ о томъ: какъ бы это прекратилось, или какъ бы избавиться отъ этой неблаговыдающейся семейной исторіи. И вотъ является ра-

Ѳома Карнѣевичъ Качуръ.

дость: по достиженіи 6-лѣтняго возраста, меня опредѣляютъ въ сельское 3-хъ классное училище. Мать очень довольна, но отецъ нѣтъ. Онъ говоритъ, что это будетъ не его польза: лишь я обучусь грамотѣ, то я уйду отъ него и не буду покорнымъ ему.

Въ училищѣ я занимаюсь прилежно: первый же годъ получаю похвальный листъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться, — онъ старается меня оторвать отъ на-

уки, но кое-какъ я все-же смогъ пробыть въ училищѣ около 3-хъ лѣтъ. Завидуя великимъ людямъ въ наукѣ (какъ-то Ломоносовъ и Пушкинъ), я прошу отца, чтобы онъ меня отдалъ учиться, а онъ мнѣ объяснялъ, что наука, какъ и тѣ люди, о которыхъ я ему говорю, не полезны государству и царю батюшкѣ, — ему нужны солдаты. И думалъ я, что упросить мнѣ отца очень трудно. Семейные разлады, какъ извѣстно, въ крестьянской семьѣ увеличивались. Стараясь улучшить семейную неурядицу, я отцу сталъ большимъ врагомъ. Онъ говорилъ, что онъ глава семейства; и какъ я, непокорный его сынъ, не слушаю его словъ, такъ послушаю барабанной кожи и солдатской программки. И вотъ я въ одно прекрасное время вздумалъ о ремесленномъ занятіи; тутъ я былъ радъ, что спасусь самъ, хотя не все семейство, отъ его устава деспотичесаго. Отецъ мой вздумалъ переселиться въ черноморскую губ., на Кубань, ст. Славянскую, гдѣ и былъ я отданъ къ одному изъ мастеровъ — по фаетонной части, — такого же характера, какъ и отецъ. Здѣсь я, живя въ средѣ рабочихъ и имѣя отъ роду 13 лѣтъ, смотрю на ихъ жизнь и грустно становится, что они положительно враги другъ другу: распутничаютъ и ни о чемъ не думаютъ. И понять для меня было трудно: почему они такими врагами себѣ. Занимаясь прилежно по столярному ремеслу, я черезъ два года сумѣлъ бросить прежняго своего учителя по ремеслу, такъ какъ не въ моготу было его отношеніе ко мнѣ. Я поступилъ къ другому хозяину, уже на жалованье — по 45 руб. въ годъ, безъ отцовскаго распоряженія, чѣмъ навлекъ на себя ненависть родителя, и даже въ семьѣ ухудшилось. И вотъ, живя въ средѣ рабочихъ, я думалъ отъ нихъ получить прочесть книжку и послушать хорошій разсказъ о хорошемъ дѣлѣ и поступкѣ человѣка. Слушая разсказы разныхъ людей

о паденіи крѣпостного права, я размышлялъ обо всемъ, но не ясно. Въ этомъ размышленіи и занятіяхъ — прожилъ до 17 лѣтъ и все время занимался усердно чтеніемъ разныхъ классическихъ произведеній извѣстныхъ авторовъ и почитывалъ романическую литературу (какъ Вальтеръ Скотта) и добивался всегда получше книжекъ. Узнать о природѣ для меня есть что-то высокое и справедливое, но всегда мнѣ трудно достается и времени не имѣю. И вотъ я на томъ рѣшилъ, что я могу отправиться по городамъ и узнаю больше, чѣмъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Бросаю станицу Славянскую и имѣя 18-лѣтній возрастъ и страстное желаніе къ путешествію и наукѣ, отправляюсь на Кавказъ, въ городъ Новороссійскъ, пристроиться къ работѣ и найти людей развитыхъ и способныхъ мнѣ объяснить все, что я жажду знать. Но такъ какъ то время уже была безработица, то я не скоро могъ пріобрѣсти мѣсто въ мастерскихъ, и пришлось голодать и на морскомъ берегу проводить время. Спасти себя отъ голода я могъ, только поступивъ на выгрузку барокъ, доставляющихъ морской песокъ для построекъ города. Работая тамъ, я думалъ о худшемъ своемъ положеніи: что будетъ со мной? — Но сталкиваясь со своимъ братомъ — мастеровымъ, — я смогъ пріобрѣсти мѣсто въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, гдѣ и поступаю въ сборный цехъ паровозовъ, въ помощники слесаря. Здѣсь я начинаю получать болѣе широкое знаніе о рабочемъ положеніи и начинаю задумываться; но долго не пришлось мнѣ оставаться въ этой тьмѣ, въ которой нашъ братъ рабочій находится, въ этомъ деспотическомъ строѣ вѣчно порабощенъ, вѣчно забитъ и голоденъ. Я познакомился съ однимъ человѣкомъ, также рабочимъ, который мнѣ объяснилъ положеніе бѣдной и забитой Россіи съ ея 130 мил. населеніемъ. Онъ обрисовалъ мнѣ

жизнь рабочаго русскаго и жизнь рабочаго заграничнаго, жизнь крестьянина русскаго и жизнь крестьянина заграничнаго. Я сталъ думать, какъ должно жить народу и вышелъ я съ того обмана и сталъ вѣренъ ему, потому что это не былъ обманъ, а голые факты, какъ это русское правительство, которое старается обмануть рабочаго и крестьянина и возвышаетъ его на томъ свѣтѣ, а здѣсь въ этомъ мірѣ унижаетъ и убиваетъ въ немъ все достоинство человѣка. И я пришелъ къ сознанію—бороться съ этимъ врагомъ народа, съ русскимъ правительствомъ. Въ то время существовалъ на Кавказѣ Союзъ Борьбы, и я былъ причисленъ къ этой партіи массовымъ членомъ и разъѣзжая по Россіи за пріисканіемъ заработка, сталкивался въ городахъ съ рабочими, на Кавказѣ и на югѣ Россіи, проходя соціалъ-демократическую литературу; работая на фабрикахъ и заводахъ и сталкиваясь съ рабочимъ движеніемъ, я убѣдился, что до тѣхъ поръ, пока рабочій самъ не станетъ въ ряды соціалистовъ, то онъ не улучшитъ свое положеніе; ждать отъ бога и русскаго правительства — это смѣшно и низко для рабочаго, а также и крестьянина. И вотъ по моему умовозрѣнію я находился въ рабочемъ движеніи; до 1902 г. состоялъ въ партіи с. д., выполняя обязанности, на меня возложенныя. Но прислушиваясь къ народу и его понятію о свободѣ народной, безъ которой русскому народу жить не въ моготу, я перешелъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ, которая старается завоевать свободу для народа, но не безъ народа, какъ это говорятъ царскіе опричники и чиновники русскаго правительства. Они говорятъ, что, молъ, соціалисты хотятъ разрушить государство и отнять собственность у народа и сдѣлать крѣпостное право— это они врутъ и одурачиваютъ разными поповскими проповѣдями и служеніемъ царю и отечеству народъ, лишь бы онъ

молчалъ и терпѣлъ и трудился для нихъ: и богачей разнаго рода, и толстобрюхой поповщины. Партія соціалистовъ-революціонеровъ старается улучшить государство, но государство только лишь народное и свободное, въ которомъ существуетъ равенство и братство и любовь къ ближнему своему, гдѣ жизнь и радость, какъ сказалъ Іисусъ въ своемъ евангельскомъ ученіи. Въ 1902 г., живя въ партіи соціалистовъ революціонеровъ и выполняя ея программу, я вижу, что народъ подавленъ и униженъ русскимъ правительствомъ, которое старается вытѣснить всю свободную мысль въ насъ, рабочихъ и крестьянахъ, гонясь чуть лишь не за каждымъ человѣкомъ, выброшеннымъ изъ деревни, по его же распоряженію, за пріисканіемъ работъ. И работая на заводахъ, фабрикахъ, соединяясь съ рабочимъ русскимъ и еврейскимъ и бѣднымъ забитымъ крестьяниномъ, я вѣчно приходилъ къ тому убѣжденію, что мы, рабочіе — городскіе и деревенскіе—не должны откладывать борьбу за свободу даже до завтрашняго дня.

20 апрѣля 1902 г., живя въ Кіевѣ, я былъ арестованъ, сидѣлъ въ казематѣ при участкѣ полицейскомъ и арес. ротахъ за вольнодумство, которое во мнѣ царскіе опричники нашли. Вольнодумство мое таковое было наброшено на бумагѣ. Живя въ Кіевѣ и распредѣляя все, что бы я могъ вспомнить, прочитанное въ историческихъ документахъ, явилась у меня мысль изложить нѣкоторые взгляды на жизнь и героевъ, отдающихъ свою жизнь за благо народа и за лучшій міръ и свободу — за что и попалъ подъ надзоръ полиціи по русскимъ статейнымъ-столбовымъ законамъ (какъ сказалъ Пушкинъ). Посидѣлъ въ тюрьмѣ и оттуда былъ выпущенъ подъ надзоръ. Тюрьма дала также пищу моему сердцу: въ тюрьмѣ видѣлъ имя честнаго героя В. Осинскаго, за русскую свободу замученнаго въ былые годы. И еще болѣе

убѣдился въ своемъ сознаніи бороться неустанно
русскимъ деспотизмомъ, съ этой шайкой разбой
ковъ... И еще видѣлъ имя героя Ст. Балмашева
завидуя его самоотверженности, я былъ радъ вы
ненному имъ факту, — и тому, что есть люди и
насъ русскихъ, придавленныхъ и забитыхъ, отда
щіе свою жизнь для народа, чтобы жить свободно
честно съ народомъ и для него. Я опять убѣжден
выражаю, — что пока мы, рабочіе и крестьяне
освободимъ сами себя, то ожидать не отъ кого.
это не справедливо; мы сами должны добывать, ка
добываемъ для себя дневное пропитаніе, такъ д
будущаго поколѣнія нужна свобода и равенство бе
различія націи и религіозныхъ вѣрованій. Мы дол
жны сплотиться въ одно великое, — будущее, чес
ное и свободное государство.

Ѳома Корнѣевичъ Качуръ.

Библиотека
Социалистической
Академии